

А.Н. КУДРЕВАТЫХ

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-31(Карамзин Н.М.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)-8,44

«ЮЛИЯ» Н.М. КАРАМЗИНА: ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ СВЕТСКОЙ ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье рассматривается повесть Н.М. Карамзина «Юлия» в аспекте жанра. В ходе анализа приводятся дополнительные аргументы в пользу того, что «Юлия» является первой в отечественной литературе светской повестью, давшей начало перспективной жанровой традиции.

Ключевые слова: Карамзин, «Юлия», светская повесть, светский мир, жанр.

Повесть «Юлия» была написана Н.М. Карамзиным предположительно в 1794 году и издана отдельной книжкой в 1796 году. Литературоведы склонны считать, что это небольшое произведение имеет большое значение для дальнейшего развития русской литературы. Так, Г.А. Гуковский утверждает, что повесть во многом предвосхищает мотивы, формы и даже некоторые внутренние черты психологического романа XIX столетия [Гуковский 1947: 82]. В.И. Глухов разделяет данное мнение, полагая, что именно в «Юлии» проявилось умение Карамзина строить сюжет в соответствии с динамикой характеров изображаемых персонажей, что, несомненно, учитывалось А.С. Пушкиным во время работы над романом «Евгений Онегин»: «Лишенное общественно-политической проблематики, это произведение привлекает к себе внимание тем, что в центр его поставлена ... светская красавица, не лишенная и некоторых негативных нравственных качеств, развивавшихся в ней под влиянием аристократического окружения. Ее характером движет противоречие между желанием блистать в свете, покорять сердца мужчин и упиваться своей исключительностью, с одной стороны, и, с другой – естественной для каждой женщины потребностью любить и быть любимой. Этим противоречием характера героини предопределяются крутые, подчас неожиданные повороты в ее поведении» [Глухов 1996: 28-29].

Многие исследователи говорят о том, что «Юлия» положила начало новой жанровой традиции в русской литературе. В частности, об этом говорит П.А. Орлов: ««Юлия» связана с будущей традицией светской повести Марлинского и др.» [Орлов 1979: 15]. И дело здесь не

только в содержательном аспекте (действие повести разворачивается в великосветской среде). По мнению Л.И. Сигиды, оппозиция мира (светского общества) и человека (добродетельного героя) получает в «Юлии» статус сюжетообразующей: именно вокруг нее строится вся пространственно-временная конструкция, цементирующая специфический художественный образ мира, что и позволяет говорить о создании Карамзиным новой для отечественной литературы жанровой разновидности – светской повести [Сигида 1992: 149]. Правомочны ли столь решительные выводы карамзинистов? Для ответа на данный вопрос следует обратиться к теоретическому аспекту интересующей нас проблемы.

Обстоятельный анализ светской повести как особой жанровой формы предпринят С.И. Ермоленко и Н.А. Валек. По мнению исследователей, отечественные литературоведы, как правило, ограничиваются рассмотрением лишь «жанрового содержания светской повести (тематика, проблематика, конфликт, определяемые предметом изображения, идейно-эмоциональный пафос)». «Специфика же собственно жанровой формы (особенности жанровой структуры) остается за пределами внимания исследователей» [Ермоленко, Валек 2013: 34-35]. Воспользуемся наблюдениями исследователей над жанровой природой светской повести в нашем анализе повести Карамзина.

Светская повесть позволяла художественно освоить идею зависимости человека от окружающей среды: специфический жанровый предмет изображения – так называемый «свет» – накладывает особый отпечаток на образ мира, создаваемый в произведении, и на характеры персонажей.

В центре светских повестей оказывается высшее общество, персонажи вступают с ним в сложные (зачастую конфликтные) отношения. Например, любовное чувство героев может противоречить законам «большого света», что неминуемо приводит к столкновению, остро переживаемому персонажами, для которых эти законы имеют важное значение. Социальный конфликт развивается в непосредственном, открытом столкновении с обществом в целом или отдельными представителями «света». «Внешний» конфликт может осложняться «внутренним», психологическим, происходящим в душе героя (между «естественной», природной и «приобретенной», социальной его сутью). При этом (традиционно) воздействие «света» на человеческие души и судьбы воспринимается как пагубное, что, в свою очередь, обуславливает общую критическую эмоциональную тональность светских повестей.

В повести Карамзина мы видим ту же сюжетную схему. Героиня

вступает в сложные, конфликтные отношения с привычной средой, вследствие личных переживаний: после того как Арис застал ее в объятиях князя N* и уехал из дома, Юлия порывает со светом: «Клянусь самой себе, что отныне дерзкий порок не осмелится взглянуть мне прямо в глаза. Дивитесь скорой перемене, верьте ей иль не верьте, для меня все одно, – сказала и, как молния, исчезла... Юлия, узнав, что Арис уехал из Москвы неизвестно куда и только с одним камердинером, сама немедленно оставила город и удалилась в деревню» (115)¹.

Именно эволюция любовного переживания героев, как правило, обуславливает логику развития сюжета светской повести. Действие развивается хронологически последовательно: от зарождения чувства к кульминации и развязке. При этом в «развязке» все возвращается на «круги своя», поскольку в «свете» все подчинено жесткому регламенту.

Вместе с тем типичная для светской повести сюжетная ситуация (как это будет позднее) у Карамзина как бы удваивается. Первый раз героиня разочаровывается в свете после того, как князь внезапно оставил ее, поняв, что не добьется желаемого без вступления в брак; давно любящий Юлию Арис утешает ее, герои создают семью, уезжают в деревню, но остаются там недолго. По возвращении в свет Юлия снова попадает под власть чар князя N*. Второе увлечение оказывается чревато более тяжкими последствиями, Юлия теряет мужа, вновь брошена и опять уезжает в деревню. Рождение ребенка помогает Юлии найти психологическое равновесие, а возвращение поверившего в ее раскаяние мужа и счастливая уединенная жизнь на лоне природы становятся вознаграждением для героини за ее терпеливый душевный труд.

Главным в повести Карамзина является не столкновение Юлии со светом, не внешние перипетии ее жизни, а внутренняя борьба героини с собственными заблуждениями, ее нравственное становление. Бытовая обстановка, окружающая Юлию, в повести лишь слегка обозначена, поскольку Карамзин не занимает изображение среды. На первый план в повести явно выдвинут психологический конфликт в пределах классического «любовного треугольника»: муж, жена и любовник.

Г.А. Гуковский справедливо замечает, что Карамзину прежде всего интересно изображение внутренней человеческой драмы, которая разворачивается в жизни самых обыкновенных людей, раскрытие внутренней борьбы Юлии с собственными слабостями [Гуковский 1947: 82]. Этим повесть Карамзина, по нашему мнению, отличается от

¹ Здесь и далее цит. по: [Карамзин 1979] с указанием страницы в тексте статьи.

последующих светских повестей, в художественной структуре которых образ «светского» мира будет занимать важное место.

Вместе с тем, хотя в центре внимания Карамзина оказывается внутренний мир героев, образ света, правда, обрисованный не с той полнотой, как это будет позднее у авторов светских повестей, возникает и в «Юлии». Специфика художественного образа мира в светской повести определяется жанровым предметом, в частности, именно им обусловлена пространственно-временная организация. Как правило, действие светских повестей развивается в светских гостиных, на балу, в театре, маскараде, причем как в столичной, так и в провинциальной обстановке: «Светский мир представлен как неизменный, предельно ограниченный, замкнутый на самом себе и существующий по своим собственным законам, которые обязательны для каждого из его членов. “Замкнутым”, внутренне статичным является и время. Прошрое и будущее как будто бы не существуют, поскольку “и завтра то же, что вчера”. Важно только настоящее в своем однообразии и повторяемости» [Ермоленко, Валек 2013: 35].

Эти принципиальные характеристики светского мира – его внутренняя замкнутость и заданность всего происходящего в нем – обнаруживаются и в повести Карамзина. Вот как описывается в повести образ жизни светских дам конца XVIII века: «Завтра вы будете в концерте, в саду; завтра вы будете к нам обедать, ужинать; вчера было у нас скучно: вы не хотели к нам приехать!» (108); «Героиня наша хотела жить открытым домом, и по крайней мере четыре раза в неделю ужинало у нее 30 или 40 человек» (113).

Начало отношений с Юлией вроде бы нарушает раз и навсегда заданный порядок жизни князя N*: «Он любил прежде играть в карты: для Юлии оставил их. Любил часа по три в день проводить с английскими лошадьми своими – для Юлии забыл их. Любил спать до двух часов за полдень – для Юлии переменял образ жизни и редко не просыпался в полдень, чтобы на крыльях Зефира или, по крайней мере, в великолепной английской карете лететь к Юлии» (109). Но именно небольшие отступления от привычного образа жизни как раз и подчеркивают его неизменность в главном.

Пережив первое разочарование, оставленная князем Юлиа под влиянием искренне любящего ее Ариса, казалось бы, осознает пустоту и бессодержательность светской жизни и удаляется вместе с мужем в деревню. Но скоро снова возвращается в привычные рамки замкнутого бытия, где во второй раз подвергается безнравственным ухаживаниям князя: «Юлиа снова явилась в свете, и с новым блеском красоты своей, с богатством, с пышностью: довольно – свет принял ее с рукоплеска-

нием, и розы со всех сторон посыпались на Юлию. Веселие за веселием, удовольствие за удовольствием – так, как и прежде – с той разницей, что замужняя женщина имеет еще более удобства наслаждаться всеми приятностями светской жизни» (112).

Лишь пережив новое, более глубокое разочарование, утратив, как ей кажется, навсегда возможность семейного счастья, Юлия серьезно задумывается о ложных и истинных жизненных ценностях. Характерно, что, готовясь стать матерью, героиня читает Ж.Ж. Руссо: «Юлия хотела приготовить себя к священному званию матери. Эмиль, книга единственная в своем роде, не выходил из рук ее. Я не умела быть добродетельною супругою, – говорила она со вздохом, – по крайней мере, буду хорошею матерью...» (116). Юлия может стать добродетельной и любящей матерью, лишь выйдя за пределы замкнутого круга, отказавшись от привычек, приобретенных в свете, от его ложных норм и правил. Лишь уединенная жизнь в деревне, на лоне природы, в согласии с ее естественными законами способна возратить героине Карамзина душевное равновесие и ощущение счастья.

Психологическая драма, переживаемая героиней, имеет под собой вполне объективную основу – столкновение двух моралей: светской, которая писателем отвергается, и сентиментальной (в духе умеренного руссоизма), которая утверждается. При этом важно подчеркнуть, что Юлия приходит к сентиментально-руссоистской морали не сразу, а в результате внутренней борьбы [Канунова 1967: 126]. Интерес писателя к моральной стороне поведения светских персонажей в перспективе выводит к признанию их объективной обусловленности обстоятельствами, что и станет актуальным на следующих этапах развития светской повести.

Особенности выражения авторской позиции Карамзина обнаруживаются в его критическом отношении к свету и «светской морали», что открыто заявлено в комментариях повествователя и в том, как описываются герои-представители светского общества. Так, например, рассказывая об Арисе, характеризуя его, повествователь восклицает: «Чувствуют ли в свете цену таких людей? Редко. Там сусальное золото предпочитается иногда истинному; скромность, подруга достоинств, остается в тени своей, а дерзость заслуживает венок и рукоплескание» (107).

Открытое выражение авторской позиции, обуславливающее субъективно-экспрессивную манеру повествования, будет вообще далее свойственно светской повести, в которой «принципиально важной становится непосредственная оценка светского общества и его представителей». Как правило, эта оценка будет «исходить от автора либо

от создаваемого им образа автора (повествователя/рассказчика)» – «личности, хорошо знающей высший свет и его законы, понимающей всю силу социального воздействия света на человека» и выступающей в качестве «доверенного лица» автора, чье мнение является важным и авторитетным [Ермоленко, Валек 2013: 35-36].

Принято считать, что светская повесть возникает в недрах романтизма под влиянием уже заявивших о себе реалистических тенденций. Предпринятый же нами анализ «Юлии» позволяет представить дополнительные аргументы в пользу того, что это произведение Н.М. Карамзина является первой в отечественной литературе светской повестью, положившей начало перспективной жанровой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Глухов В.И. «Евгений Онегин» Пушкина и повести Карамзина // Карамзинский сборник. Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс : Сб. статей. Ульяновск : Изд-во УлГПУ, 1996. С. 28-29.

Гуковский Г.А. Карамзин и сентиментализм // История русской литературы : в 10 т. М. : Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 55-105.

Ермоленко С.И., Валек Н.А. В.А. Сологуб «Через край»: забытая страница русской романистики. Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013.

Карамзин Н.М. Юлия // Русская сентиментальная повесть. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 106-118.

Канунова Ф.З. Из истории русской повести. (Историко-литературное значение повестей Н.М. Карамзина). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1967.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века) СПб : Искусство – СПб, 1994.

Орлов П.А. Русская сентиментальная повесть // Русская сентиментальная повесть. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 5-26.

Сигида Л.И. Эволюция жанра повести Н. М. Карамзина: дис... канд. филол. Наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1992.